

А.Ф. Писемский

Люди сороковых годов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А.Ф. Писемский
А11 Люди сороковых годов / А.Ф. Писемский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 546 с.

ISBN 978-5-4241-1969-9

В настоящее издание вошел автобиографический роман Алексея Феофилактовича Писемского (1821—1881) «Люди сороковых годов».

Все романы Писемского — романы краха иллюзий. Исключение составляет только роман «Люди сороковых годов», герой которого Вихров, наделенный автобиографическими чертами, борется со злом и как писатель, и как чиновник и верит в успех своей деятельности. Писатель подвергает проверке самые различные идеалы и приходит к выводу о том, что, как бы ни были они хороши сами по себе, в современной русской действительности нет связи между высокими идеями и практической жизнью.

ISBN 978-5-4241-1969-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.Ф. Писемский, 2021

Писемский Алексей
Люди сороковых годов

Алексей Феофилактович Писемский

Люди сороковых годов

Роман в пяти частях

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА

В начале 1830-х годов, в июле месяце, на балконе господского дома в усадьбе в Воздвиженском сидело несколько лиц. Вся картина, которая рождается при этом в воображении автора, носит на себе чисто уж исторический характер: от деревянного, во вкусе итальянских вилл, дома остались теперь одни только развалины; вместо сада, в котором некогда были и подстриженные деревья, и гладко убитые дорожки, вам представляются группы бестолково растущих деревьев; в левой стороне сада, самой поэтической, где прежде устроен был "Парнас", в последнее время один аферист построил винный завод; но и аферист уж этот лопнул, и завод его стоял без окон и без дверей - словом, все, что было делом рук человеческих, в настоящее время или полуразрушилось, или совершенно было уничтожено, и один только созданный богом вид на подгородное озеро, на самый городок, на идущие по другую сторону озера луга, - на которых, говорят, охотился Шемяка, - оставался по-прежнему прелестен.

Наши северные мужики конечно уж принадлежат к существам самым равнодушным к красотам природы; но и те, проезжая мимо Воздвиженского, ахали иногда, явно показывая тем, что они тут видят то, чего в других местах не видавали!

Мысли и чувствования, которые высказывало сидевшее на балконе общество, тоже были совершенно несовременного свойства. Сама хозяйка, женщина уже лет за пятьдесят, вдова александровского генерал-адъютанта, Александра Григорьевна Абреева, - совершенная блондинка, с лицом холодным и малоподвижным, - по тогдашней моде в буклях, в щеголеватом капоте-распашонке, в вышитой юбке, сидела и вязала бисерный шнурок. По нравственным своим свойствам дама эта была то, что у нас называют чехвалка. Будучи от природы весьма обыкновенных умственных и всяких других душевных качеств, она всю жизнь свою стремилась раскрашивать себя и представлять, что она была женщина и умная, и добрая, и с твердым характером; для этой цели она всегда говорила только о серьезных предметах, выражалась плавно и красноречиво, довольно искусно вставляя в свою речь витиеватые фразы и возвышенные мысли, которые ей удавалось прочесть или подслушать; не жалея ни денег, ни своего самолюбия, она входила в знакомство и переписку с разными умными людьми и, наконец, самым публичным образом творила добрые дела. Все эти старания ее, нельзя сказать, чтобы не венчались почти полным успехом: по крайней мере, большая часть ее знакомых считали ее безусловно женщиной умной; другие именовали ее женщиною долга и святых обязанностей; только один петербургский доктор, тоже друг ее, назвал ее лимфой.

У Александры Григорьевны был всего один сын, Сережа, мальчик лет четырнадцати, паж{4}. В отношении его она старалась представиться в одно и то же время матерью строгою и страстною. В самом же деле он был только игрушкой ее самолюбия. Она воображала его будущим генерал-адъютантом, потом каким-

нибудь господарем молдаванским; а там, пожалуй, и королем греческим: воображение ее в этом случае ни перед чем не останавливалось! В вечер, взятый мною для описания, Сережа был у матери в Воздвиженском, на вакации, и сидел невдалеке от нее, закинув голову на задок стула. Он был красив собой, и шитый золотом пажеский мундирчик очень к нему шел. Многие, вероятно, замечали, что богатые дворянские мальчики и богатые купеческие мальчики как-то схожи между собой наружностью: первые, разумеется, несколько поизящней и постройней, а другие плотнее и посырее; но как у тех, так и у других, в выражении лиц есть нечто телячье, ротозееватое: в раззолоченных палатах и на мягких пуховиках плохо, видно, восходит и растет мысль человеческая!

Несколько в сторону от хозяйки, и как бы в тени, помещался небольшого роста, пожилой, коренастый мужчина в чиновничьем фраке. Несмотря на рабочий склад всего его тела, выражение лица его было умное, солидное и несколько насмешливое. Господин этот был местный исправник Ардальон Васильевич Захаревский, фактотум {5} Александры Григорьевны по всем ее делам: она его, по преимуществу, уважала за знание русских законов!

Напротив Александры Григорьевны, и особенно как-то прямо, сидел еще старик, - в отставном военном сюртуке, в петличке которого болтался Георгий, и в военных с красными лампасами брюках, - это был сосед ее по деревне, Михаил Поликарпович Вихров, старый кавказец, курчавый, загорелый на южном солнце, некогда ординарец князя Цицианова {5}, свидетель его коварного убийства, человек поля, боя и нужды! Первое время, как Вихров вышел в отставку и женился, он чаю даже не умел пить!.. Не мог ездить в рессорном экипаже - тошнило!.. Не мог спать в натопленной комнате - кровь носом шла!.. Теперь уж он был уже вдов и имел мальчику, сынка лет тринадцати.

По переезде Александры Григорьевны из Петербурга в деревню, Вихров, вместе с другим дворянством, познакомился с ней и на первом же визите объяснил ей: "Я приехал представиться супруге генерал-адъютанта моего государя!"

Фраза эта очень понравилась Александре Григорьевне. Впоследствии она к одной дружественной ей особе духовной писала так: "Владыко! Вы знаете, вся жизнь моя была усыпана тернием, и самым колючим из них для меня была лживость и лесть окружавших меня людей (в сущности, Александра Григорьевна только и дышала одной лестью!..); но на склоне дней моих, - продолжала она писать, - я встретила человека, который не только сам не в состоянии раскрыть уст своих для лжи, но гневом и ужасом исполняется, когда слышит ее и в словах других. Феномен этот - мой сосед по деревне, отставной полковник Вихров, добрый и в то же время бешеный, исполненный высокой житейской мудрости и вместе с тем необразованный, как простой солдат!" Александра Григорьевна, по самолюбию своему, не только сама себя всегда расхваливала, но даже всех других людей, которые приходили с ней в какое-либо соприкосновение. Все, чему она хотя малейшее движение головой делала, должно было быть превосходным!

Вихров всегда ездил к Александре Григорьевне с сынишкой своим: он его страстно любил, и пока еще ни на шаг на отпускал от себя. Мальчик стоял у отца за стулом. Одет он был в суконный, домашнего шитья, сюртучок и в новые, но нанковые брючки; он был довольно уже высоконец и чрезвычайно, должно быть, нервен, потому что скука и нетерпение, против воли его, высказывались во всей его фигуре, и чтобы скрыть это хоть сколько-нибудь, он постоянно держал свои

умненькие глазенки опущенными в землю. Красивый пажик по временам взглядывал на него с какой-то полуулыбкой. Мальчик не отвечал ему на это никаким взглядом.

- Сережа!.. - обратилась Александра Григорьевна к сыну. - Отчего ты Пашу не занимаешь?.. Поди, покажи ему на пруду, как рыбки по звонку выходят... *Soyez donc aimable!** - прибавила она по-французски.

* Будьте же любезны! (франц.).

Сережа нехотя встал, повытянулся немного и с прежней полуулыбкой подошел к Паше.

- Пойдемте! - сказал он. В голосе его слышалась как бы снисходительность.

- Ступай, погуляй! - прибавил Паше и отец его.

Ребенок с укором взглянул в лицо старика и пошел за Сережей.

Оба они, сойдя с балкона, пошли по аллее. Видимо, что им решительно было не о чем между собой разговаривать.

- У вас есть гувернер? - спросил Сережа, вспомня, вероятно, приказание матери.

- Нет, - отвечал Паша угрюмо, - у меня учитель был, но он уехал; меня завтра везут в гимназию.

Сережа вопросительно взглянул на Пашу.

- А что такое это гимназия? - спросил он.

- Где учатся, - отвечал Паша прежним серьезным тоном.

- А! - произнес Сережа.

В это время они подошли к пруду. Сережа позвонил в колокольчик.

- Вот и рыбки! - сказал он, когда рыбки в самом деле вышли на поверхность бассейна.

- Вижу! - отвечал Паша и стал глядеть на воду; но вряд ли это его занимало, а Сережа принялся высвистывать довольно сложный оперный мотив.

На балконе в это время происходил довольно одушевленный разговор.

- Стыдно вам, полковник, стыдно!.. - говорила, горячась, Александра Григорьевна Вихрову. - Сами вы прослужили тридцать лет престолу и отечеству и не хотите сына вашего посвятить тому же!

- Он у меня, ваше превосходительство, один! - отвечал полковник. Здоровья слабого... Там, пожалуй, как раз затрут... Знаю я эту военную службу, а в нынешних армейских полках и сопьется еще, пожалуй!

- Ваш сын должен служить в гвардии!.. Он должен там же учиться, где и мой!.. Если вы не генерал, то ваши десять ран, я думаю, стоят генеральства; об этом доложат государю, отвечаю вам за то!

- Ну что ж из того: и поучится в Пажеском корпусе и выйдет в гвардию?..

- Ну, да: и выйдет в гвардию...

- А что потом будет? Бедному офицеру, ваше превосходительство, служить прожег богатых тяжело, да и просто невозможно!

Серьезное лицо Александры Григорьевны приняло еще более серьезное выражение. Она стороной слышала, что у полковника были деньжонки, но что он, как человек, добывавший каждую копейку кровавым трудом, был страшно на них скуп. Она вознамерилась, на этот предмет, дать ему маленький урок и блеснуть перед ним собственным великодушием.

- Не смею входить в ваши расчеты, - начала она с расстановкою и ударением, - но, с своей стороны, могу сказать только одно, что дружба, по-моему, не должна выражаться на одних словах, а доказываться и на деле: если вы действительно не в состоянии будете поддерживать вашего сына в гвардии, то я буду его содержать, - не роскошно, конечно, но прилично!.. Умру я, сыну моему будет поставлено это в первом пункте моего завещания.

Александра Григорьевна замолчала, молчали и два ее собеседника. Захаревский только с удивлением взглянул на нее, а полковник нахмурился.

- Нет, ваше превосходительство, тяжело мне принять, чтобы сыну моему кто-нибудь вспомоществовал, кроме меня!.. Вы, откуда живы, конечно, не потяготитесь этим; но за сынка вашего не ручайтесь!..

- Сын мой к этому будет обязан не чувством, но законом.

- А мой сын, - возразил полковник резко, - никогда не станет по закону себе требовать того, что ему не принадлежит, или я его и за сына считать не буду!

Лицо Александры Григорьевны приняло какое-то торжественное выражение.

- Я сделала все, - начала она, разводя руками, - что предписывала мне дружба; а вы поступайте, как хотите и как знаете.

Полковник начал уж с досадою постукивать ногою.

- Кому, сударыня, как назначено жить, пусть тот так и живет!

- Не для себя, полковник, не для себя, а это нужно для счастья вашего сына!.. - воскликнула Александра Григорьевна. - Я для себя шагу в жизни моей не сделала, который бы трогал мое самолюбие; но для сына моего, - продолжала она с смирением в голосе, - если нужно будет поклониться, поклонюсь и я!.. И поклонюсь низенько!

При этих ее словах на лице Захаревского промелькнула легкая и едва заметная усмешка: он лучше других, по собственному опыту, знал, до какой степени Александра Григорьевна унижалась для малейшей выгоды своей.

- Да что же, и я, пожалуй, поклонюсь! - возразил Вихров насмешливо.

Ему уж очень стало надоедать слушание этих наставлений.

В это время дети опять возвратились на балкон. Паша кинул почти умоляющий взгляд на отца.

- Вижу, вижу, домой хочешь! Поедем! - проговорил старик и встал.

Александра Григорьевна тоже встала.

- Ну, полковник, так вы завтра, значит, выезжаете и везете вашего птенца на новое гнездышко?

- Да, завтра!.. Позвольте вашу ручку поцеловать! - И он поцеловал руку Александры Григорьевны.

Та отвечала ему почти страстным поцелуем в щеку.

- Прощай, мой ангел! - обратилась она потом к Паше. - Дай я тебя перекрещу, как перекрестила бы тебя родная мать; не меньше ее желаю тебе счастья. Вот, Сергей, завещаю тебе отныне и навсегда, что ежели когда-нибудь этот мальчик, который со временем будет большой, обратится к тебе (по службе ли, с денежной ли нуждой), не смей ни минуты ему отказывать и сделай все, что будет в твоей возможности, - это приказывает тебе твоя мать.

- Благодарю, Александра Григорьевна, - произнес Вихров и поцеловал у нее еще раз руку; а она еще раз поцеловала его в щеку.

- Ну, проститесь и вы, будущие друзья! - обратилась она к детям.

Те пожали друг у друга руки и больше механически поцеловались. Сережа, впрочем, как более приученный к светскому обращению, проводил гостей до экипажа и, когда они тронулись, вежливо с ними раскланялся.

Когда Вихровы выехали из ворот Воздвиженского, сам старик Вихров как будто бы свободнее вздохнул.

- Да, - произнес он протяжным голосом, - в гостях хорошо, а дома лучше!

- Зачем же, папаша, мы ездим в Воздвиженское? Там очень скучно!.. проговорил почти строгим голосом Павел.

- Ну да так, братец, нельзя же - соседи!.. И Александра Григорьевна все вон говорит, что очень любит меня, и поди-ка какой почет воздает мне супротив всех!

Павел задумался.

- А что, она добрая или нет? - спросил он.

- Добрая, говорунья только, краснобайка!.. Все советует мне теперь, чтобы я отдал тебя в военную службу.

- Отчего же ты не хочешь отдать меня в военную?..

- Да так, братец, что!.. Невелико счастье быть военным. Она, впрочем, говорит, чтобы в гвардии тебе служить, а потом в флигель-адъютанты попасть.

- Флигель-адъютантом быть хорошо!.. - произнес ребенок с нахмуренным лицом.

- Еще бы! - сказал старик. - Да ведь на это, братец, состояние надо иметь.

Павел внимательно посмотрел на отца.

- А мы разве бедны? - спросил он.

- Бедны, братец! - отвечал Михайло Поликарпыч и почему-то при этом сконфузился.

II

КОРОТЕНЬКОЕ ПРОШЕДШЕЕ МОЕГО МАЛЕНЬКОГО ГЕРОЯ

По приезде домой, полковник сейчас же стал на молитву: он каждый день, с восьми часов до десяти утра и с восьми часов до десяти часов вечера, молился, стоя, по обыкновению, в зале навывтяжку перед образом. Пашу всегда очень интересовало, что как это отцу не было скучно, и он не уставал так долго стоять на ногах. На этот раз, проходя потихоньку по зале, Паша заглянул ему в лицо и увидел, что по сморщенным и черным щекам старика текли слезы. Тяжелые ощущения волновали в настоящую минуту полковника: он молился и плакал о будущем счастье сына, чтобы его не очень уж обижали в гимназии. При этом ему невольно припомнилось, как его самого, - мальчишку лет пятнадцати, - ни в чем не виновного, поставили в полку под ранцы с песком, и как он терпел, терпел эти мученья, наконец, упал, кровь хлынула у него из гортани; и как он потом сам, уже в чине капитана, нагрубившего ему солдата велел наказать; солдат продолжал грубить; он велел его наказывать больше, больше; наконец, того на шинели снесли без чувств в лазарет; как потом, проходя по лазарету, он видел этого солдата с впалыми глазами, с искаженным лицом, и затем солдат этот через несколько дней умер, явно им засеченный... Полковник теперь видел, точно въявь, перед собою его искаженное, с впалыми глазами, лицо, и его искривленную улыбку, которою он как бы говорил: "А!.. За меня бог не даст счастья твоему сыну!" Слезы текли, и холод пробежал по нервам старика. Более уже тридцати

лет прошло после этого события, а между тем, какое бы горе или счастье ни посещало Вихрова, искаженное лицо солдата хоть на минуту да промелькнет перед его глазами.

Паша, выйдя из комнат, сел на рундучке крыльца тоже в невеселом расположении духа. Ему почему-то вдруг припомнился серый весенний день... К нему в горницу прибегает дворовый мальчишка Титка. "Барчик, у нас в борозде под садом заяц сидит! - говорит он взволнованным голосом. - Пойдемте его ловить!.." - "Пойдем!" - говорил Павел, и оба они побежали. "Куцка! Куцка!" - кричит Титка, и Куцка, - действительно куцая, дворовая собака, соскакивает как бешеная с сеновала, где она спала, и бежит за ними... "Заяц, заяц!" - кричит, как бы толкая ей, Титка... Из борозды в самом деле выскакивает заяц... Куцка ударяется за ним, а за Куцкой Павел и Титка. Павел только видел, что заяц махнул в гумно; Куцка за ним; Павел и Титка, перескочив огород, тоже бегут в гумно. Заяц опять повернул в поле; Куцка немного позавязнул в огороде, проскакивая в него; заяц, между тем, далеко от него ушел; но ему наперерез, точно из-под земли, выросла другая дворовая собака - Белка - и начала его настигать... Заяц убежал в лес, Белка за ним, а за ними и Куцка... Павел и Титка долго еще стояли в поле и поджидали, не выбегут ли они из лесу; но они не выбегали. Павел, с загрязненными ногами, весь в поту и с недовольным лицом, пошел домой... Титка, тоже сконфуженный, бежал около него. "А дядя Кирьян прошлой весной так трех зайцев загравил!" рассказывал он. - "Пооди, какое счастье!" - говорил Павел. - "Что, батюшка, не поймал зайчика?" - сказала встретившаяся им дворовая баба и зачем-то поцеловала у Павла руку. - "Не поймал!" - отвечал он и ей с грустью... От этих мыслей Паша, взглянув на красный двор, перешел к другим: сколько раз он по нему бегал, сидя на палочке верхом, и крепко-крепко тянул веревочку, которою, как бы уздою, была взнуздана палочка, и воображал, что это лошадь под ним бесится и разбивает его... Теперь, впрочем, Павел давно уже ездит не на палочках, а на лошадях настоящих и довольно бойких, и до страсти любит это!.. Главное удовольствие при этом доставляли ему опасность и могущество власти над лошадью. Он один-одинехонек уезжал верст за семь через довольно большой лес; кругом тишина, ни души человеческой, и только что-то поскрипывает и потрескивает по сторонам. Лошадь идет, наострив уши, вздрагивая и как бы прислушиваясь к чему-то. Но вот огромная глинистая гора; Павел слегка только придерживает поводья. Лошадь осторожнейшим образом сходит с горы, немного приседая назад и скользя копытами по глине; Павел убежден, что это он ее так выездил. За горой надобно проехать через довольно крутой мост; на середине его большая дыра. Павел нарочно погоняет лошадь и направляет ее на эту дыру; но она ее перескакивает. Следующую речку Павел решил переехать вброд. Речонка тоже пенится и шумит; лошадь немножко заартачилась. Павел смело нукает ее; лошадь осторожно входит в воду. На середине реки ей захотелось напиться, и для этого она вдруг опустила голову; но Павел дернул поводьями и даже выругался: "Ну, черт, запалишься!" В такого рода приключениях он доезжает до села, объезжает там кругом церковной ограды, кланяется с сидящего у окна матушкой-попадью и, видимо гарцуя перед нею, проскакивает село и возвращается домой... Года с полтора тому назад, между горничною прислугою прошел слух, что к полковнику приедет погостить родная сестра его, небогатая помещица, и привезет с собою к Павлу братца Сашеньку. Паша сначала не обра-

тил большого внимания на это известие; но тетенька действительно приехала, и привезенный ею сынок ее - братец Сашенька - оказался почти ровесником Павлу: такой же был черненький мальчик и с необыкновенно востренькими и плутоватыми глазками.

- Нет ли у вас ружья? Я с собою порошу и дробь привез, - начал он почти с первых же слов.

- У меня нет; но у папаши есть, - отвечал Павел с одушевлением и сейчас же пошел к ключнице и сказал ей: - Афимья, давай мне скорей папашино ружье из чулана.

- Да он разве велел? - спросила было та.

- Велел, - отвечал Павел с досадою. Он обыкновенно всеми вещами отца распоряжался совершенно полновластно. Полковник только прикидывался строгим отцом; но в сущности никогда ни в чем не мог отказать своему птенчику.

Когда ружье было подано, братец Сашенька тотчас же отвинтил у него замок, смазал маслом, ствол продул, прочистил и, приведя таким образом смертоносное орудие в порядок, сбегал к своей брочке и достал там порох и дробь.

- А где бы выстрелить в цель? - сказал он.

- У нас в гумне, - отвечал Павел.

Побежали в гумно. Братец Сашенька зарядил ружье. Павел нарисовал ему овина цель углем. Братец Сашенька выстрелил, но не попал: взял выше! Потом выстрелил и Павел, впившись, кажется, всеми глазами в цель; но тоже не попал. Вслед затем они стали подстергать воробьев. Те, разумеется, не заставили себя долго дожидаться и, прилетев целою стаей, уселись на огороде. Братец Сашенька выстрелил, убил двоих; Павлу очень было жаль их, однакож он не утерпел и, упробив Сашу зарядить ему ружье, выстрелил во вновь прилетевшую стаю; и у него тоже один воробышек упал; радости Паши при этом пределов не было!

- Кто тут стреляет? - прислал из горниц спросить полковник.

- Мы!.. - отвечал Павел. - И будем еще долго стрелять!.. - прибавил он решительно.

На другой день, они отправились уже в лес на охоту за рябчиками, которых братец Сашенька умел подсвистывать; однако никого не подсвистал. Через неделю, наконец, тетенька и братец Сашенька уехали. Полковник был от души рад отъезду последнего, потому что мальчик этот, в самом деле, оказался ужасным шалуном: несмотря на то, что все-таки был не дома, а в гостях, он успел уже слазить на все крыши, отломил у коляски дверцы, избил маленького крестьянского мальчишку и, наконец, обжег себе в кузнице страшно руку. Но Павел об Саше грустил несколько дней и вместе с тем стал просить отца, чтобы тот отдал ему свое ружье. Полковник поморщился, поежился, но махнул рукой и отдал. Павел с тех пор почти каждый день начал, в сопровождении Титки и Куцки, ходить на охоту. Охотником искусным он не сделался, но зато привык рано вставать и смело ходить по лесам. Каких он не видал высоких деревьев, каких перед ним не открывалось разнообразных и красивых лошин! Утомившись, он очень любил лечь где-нибудь на траве вверх лицом и смотреть на небо. И вдруг ему начинало представляться, что оно у него как бы внизу, - самые деревья как будто бы растут вниз, и вершины их словно купаются в воздухе, и он лежит на земле потому только, что к ней чем-то прикреплен; но уничтожась эта связь - и он упадет туда,

вниз, в небо. Павлу делалось при этом и страшно, и весело...

В нынешнее лето одно событие еще более распалило в Паше охотничий жар... Однажды вечером он увидел, что скотница целый час стоит у ворот в поле и зычным голосом кричит: "Буренушка, Буренушка!.."

- Что ты кричишь? - спросил ее Павел.

- Буренушки, батюшка, нет; не пришла, - отвечала та.

Потом он видел, что она, вместе с скотником, ушла в лес. Поутру же он заметил, что полковник сидел у окна сердитым более обыкновенного.

- Что вы, папаша, такой? - спросил он его.

- Да, вон корова пропала, лучшая, шельмы этакие! - отвечал полковник.

Вскоре после того Павел услышал, что в комнатах завывла и заголосила скотница. Он вошел и увидел, что она стояла перед полковником, вся промокшая, с лицом истощенным, с ногами, окровавленными от хождения по лесу.

- Что, нашла корову? - спросил ее Павел.

- Нашла, батюшка, нашла; зверь ее, голубушку, убил, - отвечала скотница и залилась горькими слезами.

- Шельмы этакие! - повторил опять полковник, сердито взмахнув на скотницу глазами.

- Только что, - продолжала та, не обращая даже внимания на слова барина и как бы более всего предаваясь собственному горю, - у мосту-то к Раменью повернула за кустик, гляжу, а она и лежит тут. Весь бочок распорот, должно быть, гоны двой она тащила его на себе - земля-то взрыта!

- Медведь это ее убил? - спросил Павел с разгоревшимся взором.

- Он, батюшка!.. Кому же, окромя его - варвара!.. Я, батюшка, Михайло Поликарпыч, виновата уж, - обратилась она к полковнику, - больно злоба-то меня на него взяла: забежала в Петрушино к егерю Якову Сафоньчу. "Не подсидишь ли, говорю, батюшка, на лабазе{15}; не подстрелишь ли злодея-то нашего?" Обещался прийти.

- Нечего уж теперь стрелять-то; смотреть бы надо было хорошенько! возразил ей мрачно полковник.

- Николи, батюшка, николи они в эту трущобу не захаживали! - убеждала его скотница и потом, снова обливаясь слезами и приговаривая: - "Матушка, голубушка моя!" - вышла из комнат.

Но вряд ли все эти стоны и рыдания ее не были устроены нарочно, только для одного барина; потому что, когда Павел нагнал ее и сказал ей: "Ты скажи же мне, как егеря-то придет!" - "Слушаю, батюшка, слушаю", - отвечала она ему совершенно покойно.

Егеря, впрочем, когда тот пришел, Павел сейчас же сам узнал по патронташу, повешенному через плечо, и по ружью в руке.

- Ты на медведя пришел? - спросил он его с любопытствующим лицом.

- Да-с, - отвечал тот, глядя на него с улыбкою.

- Папаша, егеря! - закричал Павел.

Полковник тоже вышел на крыльцо.

- Здравствуй, Яков, - проговорил он.

- Что, батюшка, и у вас сосед-то наш любезный понадурил? - отвечал тот, вежливо снимая перед ним шапку.

- Да, а все народец наш проклятый: не взглянут день-деньской на скотину.